

МИР ПТИЦ

Информационный бюллетень
Союза охраны птиц России
декабрь 2012 г.

№ 42

В этом выпуске:

Орлан-белохвост –
птица 2013 года

Реабилитация сов

Занимательная
арт-орнитология

Из дневника Николая Платоновича Воронова

12 декабря 2012 года исполнилось бы 100 лет известному орнитологу Н.П. Воронову. Предлагаем вниманию читателей выписки из его дневника, представленные его сыном, Л.Н. Вороновым.

Первая орнитологическая конференция. Ленинград. Январь 1956.

Конференция была созвана по инициативе Г.П. Дементьева и академика Е.Н. Павловского при Зоологическом институте. С пленарными докладами выступили профессора Е.М. Воронцов, А.К. Рустамов, И.Б. Волчанецкий, Н.А. Гладков и др. На конференцию были приглашены зарубежные зоологи: из Великобритании профессор Г. Монфор, который сделал доклад об истории орнитологии в Англии; профессор Г.Х. Иогансен из Дании; доктора Ян Ганзак и Вальтер Черни из Чехословакии; Ян Щенский из Польши; Никола Боев из Болгарии.

Вторая Всесоюзная орнитологическая конференция. Москва. 18–25 августа 1959 года

Эта конференция, как и первая, была весьма представительной, с приглашением зарубежных биологов. Я на этой конференции сделал доклад «К изучению ферментов химуса некоторых птиц».

Третья Всесоюзная орнитологическая конференция. Львов. 11–17 сентября 1962 года

На этой конференции было введено новшество. Четыре дня было отведено на пленарные и секционные заседания, а три дня – на экскурсии по Карпатам. Это новшество всем понравилось. Все были восхищены чудесными Карпатами, их полонинами и всей природой Закарпатья. Одну ночь мы ночевали в горах, в палатках, другую на турбазе. Посетили города Ужгород, Мукачево, Старый. На конференции сделал доклад «Материалы к изучению ферментов химуса домашних птиц».

Четвёртая Всесоюзная орнитологическая конференция. Алма-Ата

Так же как и во Львове, после пленарных и секционных заседаний были экскурсии в горы, на гнездования птиц, которые были заранее найдены и отмечены. Ездили в пойму реки Илети, и в последний день был устроен товарищеский обед в ресторане на турбазе озера Иссык. Природа Заилийского Алатау очень красива. Наша всегда неразлучная компания, во главе с Виктором Алексеевичем Поповым, рискнула посмотреть подготовку к взрыву части горы для постройки дамбы, предохраняющую город Алма-Ату от селей. Осмотрели также площадку под будущий высокогорный каток «Медео» в ущелье Алма-Атинки. Рассчитывают построить лучший каток в мире. Картина местности катка изумительная и непередаваемая!

Пятая Всесоюзная орнитологическая конференция. Ашхабад.

Эта конференция прошла без светлой памяти Георгия Петровича Дементьева – главы нашей орнитологии. Он скончался, не дожив всего несколько месяцев до открытия конференции. Делегаты почтили его память. Его ученики, профессора А.Н. Гладков и А.К. Рустамов, прочли некролог. Своей докторской диссертацией я во многом обязан Георгию Петровичу. Он просмотрел мой план диссертации, а затем её первый вариант и сделал указания, как надо окончательно её доработать.

Как заведено, после заданий было устроено два товарищеских обеда. Первый в колхозе около Копетдага. А.К. Рустамов собрал человек 20 своих близких друзей и автобусом привёз в этот колхоз, где председателем был его близкий родственник. Под яблонями уже были накрыты столы с коньяками и винами. Угостили превосходным бараным супом и другими яствами. Обслуживали нас только мужчины. В.А. Попова и меня Анвер Кеюшевич посадил около себя. Председатель колхоза приветствовал нас на туркменском языке, а переводил сам Анвер Кеюшевич. От имени делегатов поблагодарить за приём и угощение слово предоставили мне. Я говорил о туркменских учёных, достижениях зоологии в Туркменистане и радушном приёме. С Анвером Кеюшевичем у нас дружеские связи установились давно, так как мы оба работали в сельскохозяйственных институтах.

Второй обед для всех делегатов был устроен в Фирюзе. Это чудесное место расположилось в ущелье на самой границе с Ираном. Во время обеда делегаты почему-то чаще всего пели наши сибир-

Н.П. Воронов

ские песни: «Славное море – священный Байкал», «Бежал бродяга с Сахалина» и другие. Однако сибиряков в компании было не так много. Это значит, что народ во всех уголках великой страны поёт наши песни, созданные в тюрьмах, ссылке, по пыльным дорогам под кандалыйный звон!

Региональные орнитологические конференции Волжско-Камского края. Казань. 1958–1964 годы.

Виктор Алексеевич Попов задумал написать монографию по птицам Волжско-Камского края. Для этих целей он привлек почти всех региональных зоологов. Работа над монографией шла успешно, и мы, зоологи, ежегодно собирались на конференции и отчитывались по своим группам птиц. В это же время стала вырисовываться тема моей докторской диссертации.

При распределении групп птиц среди участников конференции я задержался в университете. Осталась последняя группа врановых, которую никто не пожелал взять. В это время я входил в аудиторию и все засмеялись! «Вот пришел Воронов – пускай он и берёт вороновых» – сказал кто-то из зала. Потом, когда я долгое время изучал Corvidae, надо мной многие друзья в нашем институте потешались – Воронов – изучает свой тотем!

При изучении экологии этой группы птиц я стал углубляться в морфологию различных систем организма, как в онтогенезе, так и в филогенезе. Когда был собран достаточный материал, я написал раздел монографии «Вороновые птицы». Монография называется «Птицы Волжско-Камского края» (воробыни).

Уточняя тему докторской диссертации, я остановился на развитии пищеварительной системы птиц разных экологических групп – зерноядных, насекомоядных и всеядных. Кроме морфометрических исследований мною были поставлены эксперименты над курицами. Выращивались цыплята на различных рационах – растительном и мясном. Выяснялось влияние каждого рациона на формирование пищеварительной системы в онтогенезе.

Виктор Алексеевич Попов (1910–1980)

Виктор Алексеевич родился в Казани в семье юриста. Ещё школьником работал в кружке «Любителей природы» при Казанском университете. В 1928 году Виктор Алексеевич поступил на Лесохозяйственный факультет Казанского института сельского хозяйства и лесоводства. После окончания института в 1932 году он 15 лет работал на Волжско-Камской охотничьей-промышленной станции. В 1939 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Экология американской норки и результаты акклиматизации её в Татарской АССР» и начал читать в Казанском университете курсы методики научно-исследовательской работы по наземным позвоноч-

ным, а также краеведения, фенологии и охраны природы. В это время (1939) на кафедре зоологии позвоночных организовался студенческий кружок по млекопитающим. Виктор Алексеевич стал куратором этого кружка. Здесь мы впервые познакомились с Виктором Алексеевичем.

После войны, когда Николай Александрович [Ливанов] извлёк меня из Краснодарской селекционной станции, я хотел работать на любой должности при университете. Однако все должности были заняты, и Николай Александрович порекомендовал меня Виктору Алексеевичу в его лабораторию зоологии на должность препаратора с окладом 600 рублей. Пятилетним планом лаборатории зоологии предусматривалась инвентаризация фауны позвоночных животных пойм Волги, Камы и Свияги в связи со строительством Куйбышевской ГЭС (1946–1950). Начались полевые исследования, экспедиции и стационарные работы весной и летом, а зимой закладывались маршруты на которых по следам зверей на снегу изучалась численность животных. Поскольку я у Николая Александровича специализировался по беспозвоночным животным с уклоном в морфологию, то осваивать новую специализацию было трудно. Методика работы по позвоночным – млекопитающим и птицам – была мне совершенно незнакома. Да и мыслить надо было «экологически». Но в конце концов я эти методики, конечно, освоил.

В одной из экспедиций в пойме Волги я сообщил Виктору Алексеевичу, что хотел бы работать над кандидатской диссертацией, но над каким вопросом я ещё не знаю. Виктор Алексеевич похвалил меня за любознательность и добавил, что: «Работать над диссертацией конечно необходимо, да и неразрешённых проблем больше, чем известных. Да вот хотя бы эта. Видите перед вами куча конусовидной земли – это кротовина. Вот вам и тема диссертации». «Вы шутите Виктор Алексеевич?» – усомнился я. «Нет, не шучу, а говорю Вам вполне серьёзно! Он несколько повысил голос и зло посмотрел на меня. «Вы много знаете о роющей деятельности млекопитающих и в частности крота? Тогда я Вас слушаю, говорите». Что я мог сказать о совершенно незнакомой мне области науки? Наивно, а может быть и глупо, но я патетически сказал: Виктор Алексеевич, война злую шутку подшутила надо мной. За четыре года этой войны взрывы бомб, снарядов, пулемётных и автоматных очередей, выбили всё без остатка из моей головы, что было получено в университете. Сейчас мне надо начинать с азов. Если уж выдержал на войне, то постараюсь выдержать не меньшие трудности и в науке. Благодарю вас, Виктор Алексеевич, за предложенную тему. Но как приступить к работе? С чего начинать? «Это уже другой вопрос. Разработаем программу и методику исследования и тогда, в свободное время, а иногда и попутно с основной работой будете работать над темой. Однако помните, что основная работа всё же важнее. Вы не в аспирантуре, а в штате лаборатории. Предварительно

озаглавим вашу работу так: Сравнительный анализ роющей деятельности млекопитающих и влияние её на структуру почвы. Во время этой экспедиции вы должны собрать материал для статьи по роющей деятельности крота».

С получением темы диссертационной работы моя жизнь стала целеустремлённее и содержательнее. Я словно преобразился. Все выходные, праздник и отпуска я отдавал сбору материала, не замечая свои материальные лишения и бедность. Первое время в лаборатории нас работало трое: Татьяна Мстиславовна Кулаева – старший лаборант, Виктор Алексеевич Попов – заведующий лабораторией зоологии, доцент и я – препаратор, а потом лаборант. В экспедициях Виктор Алексеевич работал как ломовая лошадь, выполняя обязанности не только руководителя, но и лаборантов. Он брался за самую тяжёлую физическую работу. Трудно было определить – кто среди нас был лаборант и научный сотрудник. Статьи писали и печатались в соавторстве, всю «чёрную» работу выполняли совместно. Первые годы и голодали вместе, так как на карточки после войны, получали мало. Виктор Алексеевич в то время был молод, красив, очень вежлив и пользовался большим авторитетом в Казанском филиале Академии наук и в университете. Молодёжь его обожествляла.

В семье Виктора Алексеевича и Татьяны Мстиславовны было два сына – Вадим и Андрей, тестя и тёща. Материально они жили плохо. На деньги он был не жаден и всю зарплату отдавал на экспедиции, на приобретение книг, фотоматериалы и т.д. Библиотека у него была богатая по всем отраслям знаний.

В экспедициях и на полевых работах мы собирали всё, что попадало под руку, с чисто дарвинским размахом. Потом всё это пригодилось. К спиртному Виктор Алексеевич не был расположен, но подвыпивший был весел и разговорчив. Однако, проработав бок о бок с Виктором Алексеевичем более семи лет, а потом, близко общаясь до самой смерти, я ни разу не слышал от него ни одной песни. Видимо, не было у него музыкальных способностей. Но, удивительное дело, он отлично знал все голоса птиц. Как он их запоминал – эта загадка для меня так и осталась не разгаданной. При всех трудных обстоятельствах, а иногда и просто отчаянных, Виктор Алексеевич никогда не впадал в пессимизм, а был оптимистом.

Шли годы, накапливаясь научный капитал, развивалась лаборатория зоологии, расширялся штат. У нас с Татьяной Мстиславовной был собран научный материал на диссертации и сдан кандидатский минимум. Однако, текстовое оформление задерживалось, но я принял и первым защитился в июне 1953 года и через месяц поступил на должность доцента в Чувашский сельскохозяйственный институт. Виктор Алексеевич усиленно работал над монографией «Млекопитающие Волжско-Камского края». Предполагалось, что она и будет его докторской

диссертацией. Его монография и в самом деле представляла собой фундаментальное исследование. Но увы, ни Московский государственный университет, ни Ленинградский зоологический институт Академии наук СССР, не дали «добро» на защиту и предложили защищаться по совокупности опубликованных работ.

В 1964 году, в Московском государственном университете состоялась защита его докторской диссертации по докладу «Наземные позвоночные животные Волжско-Камского края». Я написал отзыв на доклад и лично присутствовал на защите. Защита прошла с блеском. Звание профессора он получил в 1967 году.

В 1970 году университет и Биологический институт казанского филиала Академии наук СССР торжественно и пышно справляли юбилей – 60-летие со дня рождения Виктора Алексеевича. Я в «Вестнике зоологии» №3, 1970 года опубликовал статью о научной и педагогической деятельности Виктора Алексеевича.

К этому времени Виктор Алексеевич уже находился в зените славы. Он был одним из лидеров в экологии и зоологии позвоночных животных. С научными докладами он выступал на многих международных конгрессах в Финляндии, Индии, Франции. Посетил национальные парки в Африке – Уганда и Танзания. На международном конгрессе охотников выступил с программным докладом. Виктор Алексеевич впервые в Советском Союзе создал кафедру охраны природы при Казанском государственном университете.

В марте 1980 году университет и общественные организации Казани ещё торжественнее отметили 70-летие со дня рождения Виктора Алексеевича, чем в 1970. Спустя всего пять месяцев – 20 сентября 1980 года перестало биться сердце Виктора Алексеевича. Читая лекцию студентам старших курсов он внезапно почувствовал сильную боль в голове. Извинился перед студентами и вышел из аудитории, а через два часа скончался. Рассказывают, что последние слова его были: «Деревья умирают стоя».

Вся моя жизнь и научная деятельность прошли близко, почти рядом с Виктором Алексеевичем. Он являлся, как и Николай Александрович Ливанов, моим духовным отцом, и я горжусь этим. На все орнитологические, зоогеографические и другие научные конференции мы, как правило, ездили вместе. В большой мир зоологов я был введён Виктором Алексеевичем. В жизни мне везло на хороших и выдающихся людей. Если я сколько-нибудь стал полезен науке, то только благодаря добрым людям – Фёдору Андриановичу Чипизубову, Николаю Александровичу Ливанову и Виктору Алексеевичу Попову.

**Александр Николаевич Формозов
(1899–1973)**

На различных конференциях мне неоднократно приходилось слушать доклады Александра Николаевича. Доклады первого нашего эколога были, конечно, содержательны и интересны, но читал

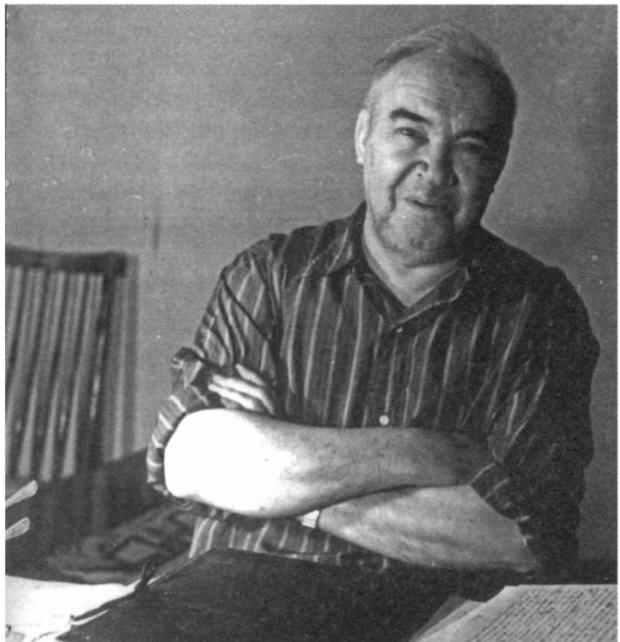
он их неважно: говорил глухим и тихим голосом про себя. На задних рядах аудитории совершенно ничего было не слышно. Зная это, я всегда садился поближе к трибуне и тогда записывал его доклады.

В 1962 году, во Львове, на III Всесоюзной конференции его доклада почему то не было, но он присутствовал как наблюдатель. В перерыве заседаний мы с ним разговорились на экологические темы и он рассказал мне о своей поездки в Бразилию. Он поведал интересную историю. В гостинице его номер обслуживала очень внимательная и аккуратная женщина. За её усердие Александр Николаевич сделал ей подарок. В ответ на это бразильянка тоже преподнесла ему бразильский сувенир – скульптуру кукиша из красного дерева (!?) Потом знакомый бразильский коллега пояснил, что это произведение искусства означает чувство уважения и благодарности.

Оказалось, что в Бразилии очень ценятся тушки рыжих полёвок. Он привёз в Бразилию четыре экземпляра и подарил знакомым зоологам. После этого несколько человек из Аргентины предлагали любую цену за тушки рыжих полёвок, так что можно было купить все расходы, потраченные на конференцию.

Александр Николаевич был человек разносторонних дарований: отличный художник, он рисовал преимущественно птиц и млекопитающих, их следы на снегу и песке. Его стилем как писателя восхищались такие знаменитые писатели-натуралисты, как М.М. Пришвин, В.К. Арсеньев, Э. Сетон-Томпсон и другие.

Внимателен он был к начинающим учёным с периферии. Когда моя статья «К изучению фауны кротовых ходов» была напечатана, я послал оттиск Александру Николаевичу. В ответном письме он похвалил статью, но сделал мне серьёзный упрёк в том, что в сложный биоценоз фауны кротовых ходов я не включил ласку.

А.Н. Формозов

Известно, что этот зверь является постоянным обитателем нор мышевидных грызунов и кротовых ходов.

Александр Николаевич оставил для поколений биологов большое научное наследство. В период лысенковщины, когда невежды критиковали зоологов за то, что они якобы занимаются неактуальными проблемами, например, изучают амфибий, мышевидных грызунов, зайцев и др., Александр Николаевич не побоялся и пошёл прямо в ЦК партии заявил протест против такой, с позволения сказать, критики. Александр Николаевич – честь и слава советских учёных!

Станислав Семёнович Шварц (1919–1976)

Станислав Семёнович после окончания Ленинградского университета и аспирантуры стал заведовать лабораторией зоологии (впоследствии переименованной в лабораторию популяционной экологии животных) Уральского филиала Академии Наук СССР. Станислав Семёнович дружил с Виктором Алексеевичем Поповым и часто бывал у него. На обед в честь гостя Татьяна Мстиславовна и Виктор Алексеевич приглашали и меня. Здесь, во второй половине сороковых годов, я и познакомился с молодым учёным Станиславом Семёновичем. Невольно обращалось внимание на его вдохновенное лицо и особенно на глаза.

С организацией Уральского научного центра и Института экологии растений и животных Станислав Семёнович быстро пошёл в гору по научной лестнице. Он вскоре защитил докторскую диссертацию и был назначен директором названного института. В 1966 году его избрали членом-корреспондентом АН СССР, а в 1970 – в действительные члены академии.

Станислав Семёнович многое сделал для экологии. Он разработал метод морфофизиологических индикаторов для определения состояния и прогноза развития популяций животных, новые представления о экологических механизмах эволюционного процесса в природе, внёс существенный вклад в развитие популяционной экологии животных. В последние годы он работал над темой «Химическая экология водных животных», а точнее – над эффектом группы в популяциях водных животных и химической экологией.

Станислав Семёнович много сделал и для комплексного исследования природы Крайнего севера. Он проводил семинары по методам исследования в экологии, которые пользовались большим вниманием у молодых зоологов.

Когда мою докторскую диссертацию отправили на внешний отзыв Станиславу Семёновичу, то он её встретил в штыки. Пришлось поехать в Свердловск. При личной встрече у себя в кабинете он сказал: «Вашу диссертацию надо переделать от начала и до конца. Я готов быть вашим научным консультантом,

если вы конечно пожелаете. Упростите таблицы, они у вас громоздкие, и их читать трудно. Я их просмотрю, а затем напишите новый текст. Литературный обзор полностью исключите.

Диссертацию я не стал переделывать «от начала до конца», а вот таблицы переделал, как советовал Станислав Семёнович. Литературный обзор сократил со 139 до 13 страниц. Второй раз переплёт диссертацию и послал Станиславу Семёновичу. Незамедлительно получил отрицательный отзыв. В заключении Станислав Семёнович написал, что выводы диссертации взяты из учебников по зоологии для высших учебных заведений. Я рассердился и написал ему «разъяснительное» письмо, в котором аргументировано опровергал каждый пункт заключения. Он понял суть диссертации и после этого дал хороший положительный отзыв.

Если уж академик сначала не понял мою диссертацию, то видимо, в ней неясно был изложен материал и не выделена новизна. Ещё ранее И.М. Олигер бегло просмотрел диссертацию, тоже не понял и сказал, что она не соответствует своему назначению. Когда я показал последний отзыв Станислава Семёновича, то он сказал: «Ваша диссертация закамуфлирована, но Вы доказали самому С.С. Шварцу, поздравляю!». Научным консультантом по диссертации у меня был В.А. Попов и о переходе в «подданство» Станиславу Семёновичу не могло быть и речи. Что бы там не было, Станислав Семёнович один из первых положительно оценил мою диссертацию.

Мои неоднократные встречи и дискуссии со Станиславом Семёновичем всегда оставляли впечатление о его необыкновенной эрудиции, ясности ума и логики. За эти качества многие зоологи относились к нему с большим уважением. На конференциях он делал фундаментальные установочные доклады и представлял нашу науку за рубежом.

Станислав Семёнович прежде временно ушёл из жизни, оставив значительный след в науке. Он болел раком лёгких, и его долго лечили в Кремлёвской больнице, но медицина оказалась бессильной. И его отпустили умирать домой. В последние месяцы своей жизни он круглосуточно работал над «Химической экологией» и беспрерывно курил. Идеи и выдающиеся труды по экологии будут лучшим памятником этому замечательному человеку!

Ганс Христиан Иогансен

Ганс Христиан был младшим сыном датского посланника в России и первые годы в Советском Союзе. После смерти отца, должность посланника принял старший брат Христиана. Ганс Христиан получил солидное образование в Дании, а у нас отлично изучил русский язык. Знание языка позволило ему путешествовать по нашей стране, и особенно запомнилась Сибирь. Он был заядлым охотником, а в Сибири есть на кого поохотиться.

Революция и гражданская война застали его на Алтае и волею судьбы он оказался в партизанском отряде. Своей удачной охотой в критические моменты партизан он снабжал их мясом дичи. Партизаны полюбили иностранца, и он им отвечал взаимностью.

После окончания гражданской войны в Сибири Ганс Христиан стал профессором Томского университета и изучал птиц этого региона. По результатам исследований он написал солидные труды. На одной из орнитологических конференций выдающийся советский орнитолог Анвер Кеюшевич Рустамов сказал: «Без изучения трудов Ганса Христиана Андерсона нельзя понять авиафлору Западной Сибири и Алтая».

Шло время и принесло недоброй памяти 1937 год. Наше правительство предложило Гансу Христиану принять подданство Советского Союза. Прежде, чем дать ответ, он решил посоветоваться со своим братом-посланником. Брат ответил, что в Советском Союзе сейчас заваривается какая-то каша, и что её не расхлебать. В подданство Советского Союза переходить не советовал. Ганс Христиан внял совету брата и отказался от подданства. Тогда ему предложили выехать из Советского Союза в 24 часа. Ганс Христиан был женат на коренной алтайке и имел dochь – Людмилу. Жена по каким-то причинам не захотела поехать с мужем в Данию, но dochь отдала отцу. И вот, Ганс Христианович со своей раскосенькой dochкой Людмилой, похожей на мать, уезжает на родину. Там он получает свою долю отцовского капитала и покупает остров недалеко от Копенгагена. На этом острове он создаёт орнитологическую станцию и развёртывает научно-исследовательскую работу. Издаются и труды станции.

Ежегодно в зимний период он выезжал в Африку, на Мадагаскар, Индию и другие страны. Он приезжал почти на каждую нашу орнитологическую конференцию и сообщал о своих исследованиях. На IV Всесоюзной конференции в Алма-Ате, в 1965 году, во время экскурсии в горах Алатау мы близко познакомились и много говорили об орнитологии. Тут же мы сфотографировались на память. Фотоснимок Риммы Александровны Зацепиной получился удачным и эта фотография постоянно лежит под стеклом на моём письменном столе.

Между нами завязалась дружеская переписка, обязательные поздравления друг друга с Новым годом, обмен оттисками научных статей. На последних конференциях я спрашивал Ганса Христиана о литературе за рубежом по пищеварительной системе птиц. Над этим вопросом я работал весьма напряжённо, готовя докторскую диссертацию, и он сообщал мне много ценной информации по данному вопросу.

Годы взяли своё, здоровье его ухудшилось и он перестал посещать наши конференции. Умер Ганс Христиан Иогансен в 1978 году. Об этом мне сообщила его dochь Людмила. Ганс Христиан был крупным учёным – орнитологом и сердечным человеком!